

УДК 316.334.3:321

ББК 60.561.32

Ц 13

И.А. Цагов,

аспирант кафедры социально-гуманитарных дисциплин Северо-Кавказского социального института, г. Ставрополь, тел.: +79880855555, e-mail: i.m.a.m@mail.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОБЩЕСТВА И ВЛАСТИ КАК УСЛОВИЕ ПРЕОДОЛЕНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО НИГИЛИЗМА

(Рецензирована)

Аннотация. В статье содержится анализ основных детерминант нигилистических настроений в современном российском социуме, обусловленных дисфункциями системы «власть – общество». Автор ставит своей целью обнаружение новых возможностей ведения широкого общественного диалога, ориентированного на повышение взаимного доверия между всеми участниками коммуникативного действия.

Ключевые слова: нигилизм, власть, общество, управленческая практика, социальная справедливость, исторический опыт, социокультурная коммуникация.

I.A. Tsagov,

Post-graduate student of the Department of Social Disciplines and the Humanities of the North Caucasian Social Institute, Stavropol, ph.: +79880855555, e-mail: i.m.a.m@mail.ru

TRANSFORMATION OF INTERACTION OF SOCIETY AND POWER AS CONDITION OF OVERCOMING SOCIOCULTURAL NIHILISM

Abstract. The paper contains the analysis of the main determinants of the nihilistic moods in the Russian contemporary society caused by dysfunctions of the power-society system. The author sets a goal to detect new opportunities of conducting the extensive public dialogue focused on increase in the mutual trust between all participants of communicative action.

Keywords: nihilism, power, society, administrative practice, social justice, historical experience, sociocultural communication.

Серьезный потенциал преодоления массовых нигилистических настроений видится нам в обнаружении правильных принципов взаимодействия власти и общества. Первая должна не просто четко декларировать свои приоритеты, но и уметь слышать те социальные заказы, которые формулирует общество.

Традиционная персонификация власти предъявляет особые требования к политическому руководству страны, чьим олицетворением является фигура президента. Мы полагаем, что если попытаться установить корреляты между персонификацией лидера государства и состоянием нигилистического сознания,

то можно было бы получить достаточно красноречивые результаты. Можно предположить рост такого при достаточно либеральных (Хрущеве, Брежнев или Ельцине) и его падение при авторитарных правителях. Многочисленные исторические данные свидетельствуют о том, что народ прощает правителю его излишнюю жестокость, но не склонен прощать мягкотелость, непоследовательность, а также поводы для насмешек.

В России немислим тот тип руководителя, который утверждается в настоящее время на либеральном Западе, то есть личность, выступающая против традиционных ценностей и смыслов. Его образ не может вступать в противоречие с наличными представлениями о социокультурной идентичности. Он с необходимостью должен соответствовать личностным, дискурсивным и деятельностным ожиданиям. Без достижения такого соответствия невозможен никакой прочный общественный консенсус. «В менталитете российского общества глава государства (как бы эта должность ни называлась) всегда имеет особый авторитет. Именно с ним во все исторические эпохи связывались надежды россиян. Именно правитель всегда брал на себя ответственность за курс общественного развития» [1; 39].

Исследователи политической жизни страны выявили закономерность, связанную с перенастройкой модели управления обществом в соответствии с личностными, индивидуальными качествами и характеристиками национального лидера. Это уникальная особенность именно внутрисоссийского социального менеджмента, не имеющая аналогов в иных развитых обществах. Если последние функционируют как некая институциональная модель, то Россия в этом отношении представляет собой преимущественно бихевиориальное образование. «В политическом сознании народа

доминирует не то, как управляется страна, а то, кем она управляется. То есть лидер встраивается в систему, а система подстраивается под лидера» [1; 40].

Другой компонент антинигилистической рецептуры связан с сознательным исключением из социокультурной и управленческой практик тех инициатив, которые диссонируют с содержанием коллективного исторического сознания. Дело в том, что наше общество обладает весьма развитой исторической памятью, вызывающей у него вполне определенные реакции на те или иные действия власти. Наши сограждане привыкли к стихийному восприятию социальной действительности, не только ориентируясь на базовые ценности, но и оценивая ее с позиций исторической аналогии. Так, банкротство либеральной идеи на современном этапе связано не только с ее антагонизмом добродетелям традиционного социума, но и с воспоминаниями о средствах и методах ее воплощения в жизнь. «Антисоциальные результаты реформ и вызванное ими обнищание населения стали основой для позитивной социально-политической тенденции российского социума: общество осознало социальную бесперспективность радикальных реформ и необходимость нового пути развития, учитывающего интересы большинства населения» [1; 41]. Таким образом, нигилизм эпохи 1990-х годов был побежден за счет возврата к исторически апробированным формам социального бытия, связанным с четкой артикуляцией социальных приоритетов, патриотизма и международных интересов государства.

Существует очевидная взаимосвязь между усилением роста нигилистических настроений и нарастанием дефицита социальной справедливости в обществе. Сильнейшим катализатором нигилистических настроений выступает социально-экономическая

поляризация населения и вызванные этим процессом последствия, в числе которых выделяются увеличение численности малоимущих граждан, массовое разочарование в принципах свободного рынка, рост патерналистских настроений, непонимание экономической политики властей, примером чего может служить дезориентация наших сограждан при проведении пенсионной реформы.

Противостояние нигилизму на этом направлении видится нам как совокупность скоординированных, системных усилий в законодательной, просветительской и экономической сферах. Эти усилия необходимо направить на решение следующих задач:

- сокращение разницы в доходах наиболее и наименее обеспеченных категорий населения;

- стимуляцию отказа от демонстративного потребления и иных форм провокативного экономического поведения;

- развитие традиций, связанных с благотворительностью и альтруизмом;

- повышение экономической культуры общества;

- рост социальной ответственности бизнеса.

Объектами обозначенных усилий следует сделать те социальные группы, которые выступают как генераторами нигилистических настроений, так и реципиентами последних. Так, если привычку участия в благотворительности необходимо прививать материально обеспеченным слоям населения, то в усвоении азов экономической культуры и финансовой грамотности нуждается широкая масса россиян. В этом случае первые перестают быть фактором общественного раздражения, а вторые перестают страдать от капиталистических фобий и начинают испытывать на себе все преимущества свободного рынка. Как показывает так называемый «опыт 90-х», в условиях

отсутствия ясного ощущения того, что общество развивается по законам социальной справедливости, нет никакой возможности предотвратить нигилизацию коллективного сознания.

Перестройка экономического сознания в сторону его «денигилизации» выступает как фундаментальная трансформация парадигмы мышления в целом. Речь в данном случае идет об изменении отношения социального актора к встречающимся на его пути экономическим проблемам и финансовым трудностям. Как правило, последние стимулируют нигилистическое мировоззрение, а не позитивный поиск возможностей их преодоления.

Приведем несколько примеров. Сталкиваясь с проблемой безработицы, среднестатистический россиянин направляется на «биржу труда», а не демонстрирует готовность к горизонтальной мобильности. Получая незначительные пенсионные выплаты, он начинает винить в этом государство, а не собственную финансовую недальновидность, не позволившую сформировать необходимые сбережения. Ухудшение состояния здоровья, вызванное нездоровым образом жизни, продуцирует претензии к медицине, но не к собственному легкомыслию. Как можно заметить, переформатирование образа жизни и стиля мышления способно если не полностью устранить нигилизм в обществе, то, во всяком случае, существенно уменьшить основания для его существования. Таким образом, вся система образования и воспитания должна быть перенаправлена на формирование устойчивых массовых рефлексивных навыков, умения рационально мыслить в долгосрочной перспективе, а не просто спонтанно реагировать на ситуативные изменения.

Наряду с введением в практику социального менеджмента идей и

принципов, присущих традиционной российской культуре и отечественному менталитету, необходима и модернизация общественной жизни, что может быть обеспечено за счет развития гражданского общества. Как свидетельствует опыт функционирования последнего, его субъекты абсолютно не склонны к продуцированию нигилистических воззрений, поскольку при решении различных проблем предпочтение отдается не радикальному отрицанию, а позитивным действиям и открытому, конструктивному диалогу.

Прежде всего, полноценное гражданское общество препятствует появлению того, что принято называть «нигилистическим фоном», то есть формированию массового деструктивного скептицизма в качестве доминанты общественного настроения. Член гражданского общества не является атомизированной социальной единицей, изолированной как от других социальных акторов, так и от общественной системы и ее структур. Ему не присуще нигилистическое или безразличное отношение к окружающей действительности. Он заинтересован в устранении всего того, что выступает социальным раздражителем на условиях обнаружения соответствующего общественного консенсуса.

Основным атрибутом представителя гражданского общества выступает социальная ответственность, под которой мы подразумеваем ясное осознание собственных интересов в их непротиворечивости интересам основной массы социума, а также понимание путей их реализации и последовательность в достижении таковых. В этом отношении данный тип социального актора выгодно отличается от патерналиста, живущего ожиданиями внешних благодетелей и склонного к нигилистическим реакциям в случае неполучения таковых.

Для появления социального ответственного актора следует радикально преобразовать механизмы социализации. Если в настоящее время результаты социализации оцениваются по степени лояльности, законопослушности и соответствию социокультурным нормативам, то в будущем критериальный список должен быть расширен за счет таких характеристик, как активная гражданская позиция, вовлеченность в социальную жизнь на микросоциальном уровне, солидарность, мобильность, креативность, толерантность, инициативность, экономическое мышление, понимание своих политических интересов.

Несмотря на тот факт, что генетически гражданское общество есть самозарождающееся и саморазвивающееся образование, государство может оказать соответствующим процессам самую непосредственную поддержку. Оно должно предложить социуму некий крупномасштабный проект, способный сплотить всех тех, кто к нему принадлежит, стимулировать рост гражданского сознания в целом. Примером такого проекта может стать вхождение Крыма в состав России, обеспечившее предельно максимальную консолидацию общества, не имевшую аналогов в последние десятилетия. Однако при этом следует помнить об ограниченном во времени консолидирующем действии отдельно взятого проекта, что требует пролонгации такого рода проектной активности со стороны государства. Последнее должно не просто уметь разрабатывать подобные резонансные проекты, но и качественно, с максимальной отдачей продвигать их в коллективном сознании общества.

Важнейшим условием этого является выработка языка подобной коммуникации, равно как и коммуникативного инструментария. Оригинальное решение проблемы разработано М.К. Горшковым,

предложившим расширительное использование социологии в диалоге между властью и гражданским обществом. По мнению указанного автора, «социология помогает власти осуществлять властные функции, повышать культуру и эффективность государственного управления. Власть же, в свою очередь, через различные формы государственной поддержки, обеспечивает социологам свободу научного творчества, использует результаты социологической деятельности для более адекватного выражения в своей политике общенациональных интересов, исходит из них при выборе стратегии развития страны» [2; 28].

Постоянный диалог между властью и обществом при обсуждении злободневных проблем М.К. Горшков определяет как «социократия». Данное понятие, заимствованное им у У. Франка, означает «власть всего общества над своей судьбой, налаживание научного контроля над социальными силами посредством коллективного разума социума...» [1; 28]. В этом случае вероятностные нигилистические интенции демпфируются посредством их выведения на площадки так называемой «публичной социологии», то есть в те коммуникативные пространства, где каждый может сверить занимаемую им позицию с иными позициями, услышать аргументы «за» и «против», посмотреть на себя со стороны общественного мнения, переосмыслить свои взгляды на ту или иную проблему.

Серьезный ресурс с точки зрения преодоления нигилистических массовых настроений мы видим в корреляции социального поведения элит и декларируемых ими ценностей. Отсутствие подобных коррелятивов неизбежно оборачивалось крупномасштабными потрясениями, причиной которых становилось нигилистическое восприятие массами собственных элит. Под коммунистическими, эгалитаристскими

по своей сути лозунгами происходило социально-экономическое расслоение общества в период позднего Советского Союза, что, в конечном итоге, привело к краху официальной идеологии и прекращению существования тогдашнего политического режима.

Массовая поддержка либерально-демократической идеологии, социальный запрос на новую систему ценностей обеспечили смену элитарного корпуса, сохранившего, тем не менее, традиционные стандарты поведения. Если на словах новые элитарные группы заявляли о полном отказе от предшествующих поведенческих практик, то на деле они не только продолжали следовать им, но и усугубляли таковые. В результате российский социум пережил мощнейший всплеск нигилистических настроений, отказав в признании не только «новым русским», но и олицетворявшей последних системе ценностей. Пожалуй, никогда в отечественной истории официальный дискурс так радикально не расходился с практиками социального поведения элит. При этом российский истеблишмент не просто интерпретировал издержки построения капитализма как типичное для всех развитых стран явление, но и предпринял прямую попытку моральной легитимации криминала, ссылаясь на универсализм законов первоначального накопления капитала. Жесткую, но справедливую оценку соответствующего периода в истории отечественного социума дает Е.Б. Шестопал. Данная оценка позволяет еще глубже осознать неизбежность доминирования нигилизма в культуре и сознании общества в указанный исторический период. «Российское общество, – подчеркивает Е.Б. Шестопал, – не смогло принять либеральную модель, а реформаторы оказались отеснены на обочину, став политическими маргиналами. И дело здесь не

просто в психологической инерции или приверженности социалистическим и, тем более, авторитарным традициям. Творцы реформ под видом демократизации ограбили беззащитное и беспомощное население и вывезли награбленное из страны» [3; 36].

Нет никаких сомнений в необходимости изменения принципов, в соответствии с которыми происходит рекрутинг элиты в современном российском обществе. Следует существенно расширить доступ к социальным лифтам, усилив, тем самым, как внутриэлитную конкуренцию, так и электоральные возможности наших соотечественников. Самостоятельной задачей является такое перекодирование мотивации приобщения к элите страны, при которой прагматическая оставляющая дополнялась бы морально-нравственной, этической компонентой.

Воспитание элиты подразумевает и выработку у нее таких качеств, как чувство ответственности. Следует отметить, что ответственность мы понимаем, применительно к рассматриваемой проблеме, двояким способом: как ответственность за действия команды (конкретной структуры, политической организации, лидера) и как личную ответственность. Напомним, что современные реалии таковы, что отставка какого-либо чиновника или топ-менеджера по политическим или этическим мотивам является скорее исключением из правил, чем закономерностью, что противоречит практикам, принятым в странах с развитыми демократическими традициями. Добровольный уход крупного зарубежного чиновника по таким причинам, как частные поездки за государственный счет или неоправданно высокие представительские расходы, вызывает искреннее недоумение у представителей отечественной элиты и чувство зависти у остального населения.

Как правило, россияне оказываются не в состоянии увидеть прямую зависимость между качеством управленческой элиты и ее благосостоянием. Парадоксальным выглядит сочетание личной эффективности и неспособности решать те проблемы, которые лежат в непосредственной плоскости профессиональной деятельности управленца. При этом в эпицентре нигилистических восприятий находится депутатский корпус. Уязвимость последнего связана с его высоким социальным статусом, контрастирующим с низким уровнем ответственности за принимаемые решения.

Во многом современная отечественная элита по своему психотипу сближается с элитами периода советского «застоя», что проявляется в ее неверии в те фундаментальные постулаты, которые сама она и вырабатывает. В этом отношении она напоминает партийного функционера 70-80-х годов прошлого столетия, нигилистически воспринимающего перспективу построения коммунизма. Элиты оказались ценностно и идеологически разобщенными, причем эта разобщенность ощущается даже на уровне индивидуального сознания. Сошлемся на эмпирически подтвержденную точку зрения Е.Б. Шестопал: «У российских политиков за редким исключением отсутствует целостная система ценностей и ориентиров. Их мировоззрение не сформировано и нередко противоречиво; ментальная структура является собой ценностную чересполосицу, при отсутствии внятной идеологии. В этом элиты не отличаются от общества, в котором все еще царит идейный хаос; отсутствует четкая структура ценностей и приоритетов» [3; 38]. Из сказанного очевидно, что нигилизм элит оказывается экстраполированным на общество в целом и дезориентирует последнее в построении и реализации его жизненных стратегий.

Впрочем, отсутствие четких идеологических ориентиров присуще не только российским элитам, но и обществу в целом. В данном факте нет ничего удивительного, поскольку табуирование любой идеологии предписано конституцией. Однако в настоящее время все настойчивее звучат требования отказа от деидеологизированной редакции Основного Закона, поскольку последняя, по мнению его критиков, способствует ценностной дезориентации общества, лишает его четкой цивилизационной перспективы, размывает важнейшие морально-нравственные критерии.

Мы не призываем к немедленному пересмотру Конституции РФ, но, как минимум, обозначенную проблему следует ввести в плоскость широкой общественной дискуссии. Конституционная реформа может и не стать результатом этой дискуссии, но ее следствием должно стать достижение идеологического консенсуса, прояснение тех фундаментальных моментов, которые требуют должной эксплицитности с точки зрения недопущения предпосылок для возникновения нигилистических настроений на почве стихийного протекания идеологического процесса. Как минимум, национальный идеологический конструкт следует наделить комплексом позитивных маркеров, выполняющих роль лекал, с которыми соотносятся социальные практики. Важно подчеркнуть, что такого рода маркеры присутствуют в ценностных, идеологических, этических моделях любого общества. Так, знаменитая «протестантская этика» гуманизировала взаимоотношения в социумах, переживавших

непростые времена первоначально-го накопления капитала, а идея всеобщего равенства помогала мириться с аскезой социальной жизни в тех странах, которые пошли по пути построения социализма.

Наиболее мощной преградой на пути распространения нигилизма может стать правильно сформулированная национальная идея, которая не только обеспечивала бы социуму его культурную, цивилизационную идентичность, но и служила защитой от вероятностных нигилистических атак. Не вдаваясь в подробности, отметим только, что национальная идея должна содержать в себе систему тезисов, объясняющих, почему необходимо конструктивное отношение к тем или иным проблемам государства, а не деструктивный взгляд на саму государственную систему. Думается, что в основу этих тезисов могла бы лечь идея патриотизма, что и было озвучено в недавнем прошлом Президентом РФ. Только императив патриотизма в состоянии примерить существующие общественные противоречия, обеспечить внутри-российский диалог культур, заставить с пониманием относиться к тем трудностям, которые являются следствием независимой и суверенной внешней политики государства. Одновременно следует преодолеть оторванность популярной в наше время патриотической риторики от существующих социокультурных реалий. Корреляты патриотических установок должны обнаруживать себя во всех системах и структурах общества, в фундаментальных социальных практиках.

Примечания:

1. Морев М.В., Каминский В.С. О государственном управлении на современном этапе развития российского общества // Социс. 2015. № 10.
2. Горшков М.К. Общество – Социология – Власть: к вопросу о взаимодействии // Социс. 2012. № 7.
3. Шестопад Е.Б. Элиты и общество как политические акторы в постсоветской России // Социс. 2016. № 5.

References:

1. Morev M.V., Kaminsky V.S. On state administration at the present stage of development of the Russian society // Sotsis. 2015. No. 10.
2. Gorshkov M.K. Society – Sociology – Power: on the problem of interaction // Sotsis. 2012. No. 7.
3. Shestopal E.B. Elites and society as political actors in post-Soviet Russia // Sotsis. 2016. No. 5.